

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ НАУКИ

Научная статья

УДК 78.072.3

DOI: <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.55.4.05>

Жак Гандшин и Международное музыковедческое общество. Несколько размышлений в связи с конгрессами 1920–1940-х годов¹

Жанна Викторовна Князева

Российский институт истории искусств,
190000 Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5
jeanna.kniazeva@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2192-8815>

Аннотация: Статья продолжает серию публикаций, знакомящих с малоизвестными материалами из истории Международного музыковедческого общества (IMS) предвоенного и раннего послевоенного периодов. Речь идет о нескольких эпизодах борьбы вокруг поста и фигуры президента IMS, о полемике между членом дирекции IMS Жаком Гандшиным и президентом Общества Эдвардом Дентом. Развернувшиеся события отразили целый ряд научных тенденций в международном академическом музыкознании 1920-х — 1940-х годов. Исследование выстроено вокруг четырех конгрессов IMS: в Вене (1927), Кембридже (1933), Барселоне (1936) и Базеле (1949). В основу работы положены материалы прессы, а также документы из переписки Гандшина с его каталонским коллегой и другом, вице-президентом IMS Ижини Англесом.

Ключевые слова: Международное музыковедческое общество, дирекция IMS, история музыковедения, Жак Гандшин, Ижини Англес, Эдвард Дент

Для цитирования: Князева Ж. В. Жак Гандшин и Международное музыковедческое общество. Несколько размышлений в связи с конгрессами 1920–1940-х годов // Научный вестник Московской консерватории. Том 14. Выпуск 4 (декабрь 2023). С. 750–771. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.55.4.05>.

¹ Данная статья представляет собой полное изложение материала, часть которого была тезисно (по-английски) представлена на страницах книги к 90-летию Международного музыковедческого общества: [44].

Jacques Handschin and the International Musicological Society. A Few Thoughts on the Congresses of the 1920s and 1940s

Jeanna V. Kniazeva

Russian Institute of Art History,

5, Isaakiyevskaya Sq., St. Petersburg 190000 Russia

jeanna.kniazeva@mail.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2192-8815>

Abstract: This article continues the series of publications introducing little-known materials from the history of the International Musicological Society (IMS) in the pre-war and early post-war periods. It deals with some episodes of the struggle over the presidency of the IMS, and the controversy between Jacques Handschin, a member of the IMS Directorate, and Edward Dent, president of the Society. The events reflected a range of scholarly trends in international academic musicology from the 1920s to the 1940s. The study is constructed around four IMS congresses — in Vienna (1927), Cambridge (1933), Barcelona (1936), Basel (1949) — and based on press materials as well as the documents from the correspondence between Jacques Handschin and Higiní Anglès, his Catalan colleague and friend, vice-president of the IMS.

Keywords: International Musicological Society, IMS Directorate, history of musicology, Jacques Handschin, Higiní Anglès, Edward Dent

For citation: Kniazeva, Jeanna V. 2023. “Jacques Handschin and the International Musicological Society. A Few Thoughts on the Congresses of the 1920s and 1940s.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 14, no. 4 (December): 750–71 (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.55.4.05>.

Данная статья представляет вниманию заинтересованного читателя дальнейшие материалы по истории Международного музыковедческого общества (IMS) и сотрудничеству с ним выдающегося российско-швейцарского музыковеда Жака Гандшина (Handschin; 1886, Москва — 1955, Базель). Две предыдущие публикации [3; 7] познакомили с драматичными событиями первых послевоенных собраний IMS и историей конфликта Гандшина с Обществом. Теперь же мы обратимся к тому, что этому предшествовало и подготовило произошедшее после Второй мировой войны. В основу исследования положены материалы прессы, а также документы из переписки Гандшина с его каталонским коллегой и другом Ижини Англесом (Anglès; 1888–1969)².

В продолжавшемся почти тридцать лет (1926–1954) эпистолярном диалоге ученых, — один из которых член Директории, а другой вице-президент IMS, — мы находим немало сведений о работе Общества в те годы. В данной статье речь пойдет о нескольких эпизодах из истории борьбы вокруг поста и фигуры

² Об архивной коллекции этой переписки см.: [3, 369, сн. 12].

президента IMS, а также о некоторых отраженных этими событиями научных тенденциях в академическом музыкознании 1920-х — 1940-х годов. Материал будет выстроен вокруг четырех конгрессов: в Вене (1927), Кембридже (1933), Барселоне (1936) и Базеле (1949).

1. ВЕНА, МАРТ 1927

Венский музыковедческий конгресс прошел в рамках торжеств по случаю 100-летия кончины Бетховена [13]. Именно на этом конгрессе было принято решение о воссоздании Международного музыковедческого общества. (Напомним, что прежнее общество, Internationale Musikgesellschaft, основанное Оскаром Фляйшером еще в конце XIX века, прекратило свою деятельность с началом Первой мировой войны). Затем, в сентябре того же 1927 года, в Базеле собрался Интернациональный организационный комитет во главе с Гвидо Адлером. Датой основания Международного музыковедческого общества считается 30 сентября 1927 года, а целью его деятельности была провозглашена «поддержка музыковедческих исследований и содействие музыковедческим связям между странами» [18, 2].

И Жак Гандшин, и Ижини Англес приехали на конгресс в Вену³. К этому моменту Гандшин уже не был новичком в делах организации науки. Из исследований российских материалов мы знаем, что в Петрограде в первые после революционные годы именно ему было доверено руководство всей научно-музыкальной работой страны. Тогда Гандшин был полон энтузиазма и энергии, искренне верил в реальность гигантских советских преобразований, всеми усилиями поддерживал их [43, 186–195]. Теперь, по прошествии почти десяти лет (столь многое переживших в его жизни⁴), он вновь встретился с масштабной организационной работой в области музыковедения, но на этот раз западного и интернационального.

Первый в корреспонденции с Англезом отзыв, касающийся основания Международного музыковедческого общества, мы находим в отосланной тому газетной вырезке⁵ — отклике Гандшина на венский конгресс на страницах *Neue Zürcher Zeitung* (NZZ):

...Одновременно с бетховенскими торжествами в Вене в помещениях Университета состоялся музыковедческий конгресс. Вена как место проведения конгрессов имеет в музыковедческом мире добрую славу. Столетие памяти Гайдна в 1909 году и связанный с ним конгресс — незабываемы. Однако на этот раз результат <...> оказался не столь значителен, как бы хотелось.

³ Гандшин сделал доклад о раннем и позднем Средневековье в Ирландии («Über frühes und spätes Mittelalter»), а Англес — о старинной многоголосной музыке Испании до XV века («Die mehrstimmige Musik in Spanien vor dem 15. Jahrhundert»); см.: <http://www.dtoe.at/Publikationen/Kongressberichte.php#beethoven1927> (04.03.2023).

⁴ В мае 1920 года Гандшин переехал из России в Швейцарию. Здесь он жил сначала в Санкт-Галлене, затем, с 1925 года, в Цюрихе, где был органистом церкви св. Петра.

⁵ Handschin — Anglès, 26.05.1927. Biblioteca de Catalunya. Barcelona. Anglès, correspondencia; далее: ВС.

Причина тому главным образом в том, что в последнее время музыковедческие конгрессы слишком уж часты: Базель 1924, Лейпциг 1925, Вена 1927 — временная дистанция недостаточна для того, чтобы в каждой отдельной области успеть наработать что-то значительное. К этому обстоятельству добавим и то, что были допущены некоторые организационные просчеты. Да можно даже говорить не о просчетах, а скорее о том факте, что конгресс на этот раз оказался в тени музыкального празднества [36].

Итак, по ощущению Гандшина, всего слишком уж много, все слишком быстро и суетно. В одной более поздней рецензии ученый вздохнет: «Наше время мыслит количественно!» [31] Обращу особое внимание на последнюю фразу статьи в *NZZ*: музыковедческий конгресс в тени музыкального фестиваля. Мы еще не раз встретим у него это наблюдение.

27 сентября 1927 года Гандшин без энтузиазма пишет Англесу:

Скоро в Базеле будет совещание по поводу международной музыковедческой организации; не думаю, что это будет интересно; в любом случае я в эти дни в Гёттингене⁶.

И действительно, ученый отправляется из Базеля в Гёттинген, на 56-й съезд филологов [49, 171]. Он уезжает несмотря на то что в эти последние дни сентября в Базеле заседает международный комитет по учреждению *IMS*. Своим отъездом Гандшин выразительно дистанцируется от Общества, показывая, что у него есть дела важнее и интереснее.

Следующий (то есть собственно Первый) конгресс *IMS* прошел 1–6 сентября 1930 года в бельгийском Льеже [48]. И Гандшин, и Англес приняли в нем участие. Гандшин даже написал затем две рецензии на это собрание (обе выдержаны в благожелательно-нейтральном тоне: [23; 37]). Однако в переписке с Англесом нет ни слова о льежском конгрессе. Вероятно, ученые обсудили все при встрече в Бельгии, а ничего столь яркого, что заставило бы их вернуться мыслью в переписке, на конгрессе не произошло. Выдающиеся события еще ждали впереди.

2. КЕМБРИДЖ, ИЮЛЬ 1933

29 июля — 3 августа 1933 года в английском Кембридже совместно проходили два масштабных музыкальных мероприятия: Второй конгресс Международного музыковедческого общества и сопровождавший его Фестиваль старинной английской музыки.

Инициатива проведения столь масштабного мероприятия принадлежала английскому музыковеду Эдварду Денту (Dent; 1876–1957), тогдашнему президенту *IMS*. Исследовательница его жизни и деятельности Карен Эррендейл пишет:

Организуя конгресс в Кембридже, он [Дент] надеялся <...> продемонстрировать английскую музыкальную повседневность во всем ее блеске, показать ее тем, кто презрительно считал английскую музыку чем-то низшим. <...> Каждый день той недели между лекциями и дискуссиями звучали концерты

⁶ Handschin — Anglès, 27.09.1927. BC.

на особый кембриджский лад. Там были мадригалы, исполнявшиеся [хором] Кингс колледжа на мосту над рекой Кэм; ежедневные службы с музыкой в различных церквах с их хорами <...> и щедрый «Исторический показ английской музыки» на великолепной набережной у Сен-Джонского моста. Примечательно, что значительная часть этих произведений, регулярно исполняемых во время богослужений, оказалась совершенно неизвестна собравшимся знаменитым ученым <...>. А исполнение музыки [времен] Тюдоров в зданиях Тюдоров произвело на них неизгладимое впечатление [10].

Очарование и уют старого Кембриджа, изысканность старинной английской музыки привели в восхищение многих гостей конгресса, а для некоторых из них стали настоящим открытием музыкальной Англии (чего и добивался Дент). К. Эрредейл приводит рецензию музыковеда из Копенгагена Кнуда Йеппесена (будущего преемника Дента на посту главы IMS):

Старый идилический университет Кембриджа с его восхитительными колледжами эпохи Тюдоров, прекрасными парками и уютно-старомодным укладом жизни составлял пленительный фон конгресса <...> Можно надеяться, что будущий конгресс нашего Общества пройдет в том же стиле, что и кембриджский, а именно, что его главной задачей станет стремление научно осветить музыкальную историю принимающей страны, и одновременно — что особенно важно — посредством музыкальных исполнений сделать более доступными для иностранных гостей реальные сокровища старинной музыки данной национальной школы. Кембриджский конгресс продемонстрировал, что это прекрасный путь вперед [39].

Итак, новое руководство IMS рассматривало кембриджский конгресс как образец для своих будущих собраний. На нем была определена политика, избрано направление дальнейшей деятельности.

Гандшин любил Англию (особенно ее архивы и библиотеки), бывал там неоднократно, задумывал большую работу по старинной английской музыке⁷ и писал Англесу накануне отъезда в Кембридж, планируя задержаться там для исследований: «В целом месяц для Англии — это не слишком много» (Hanschlin — Anglès, 03.07.1933. HN). Он ехал в Кембридж с явным удовольствием. Английским языком Гандшин владел свободно. То есть никаких предубеждений против страны или проблем с контактом у него не было. А как сложились его отношения с собственным конгрессом?⁸

Материал переписки с Англесом, касающийся событий в Кембридже 1933 года, — три письма, написанные перед конгрессом (в них ученые обсуждают только

⁷ О судьбе этого исследования размышлял профессор Рудольф Штефан (Stephan; 1925–2019) в беседе с автором этих строк весной 2015 года в Берлине. По его словам, Гандшин готовил своего рода «iter anglicum». Однако, по ряду обстоятельств (связанных с отношениями ученого с некоторыми английскими коллегами) работа эта не смогла состояться. Вероятно, ее «остатком» являются статьи, собранные Струксом в библиографии трудов Гандшина, в разделе под названием «De musica anglica medii aevi» [50, 6].

⁸ Гандшин сделал на кембриджском конгрессе доклад об английской средневековой полифонии (*Problems of English Medieval Polyphony*), а Англес — об английской музыке XIII и XIV веков в Испании (*La musique anglaise du 13ème et 14ème siècle en Espagne*) [39, 145].

организационные вопросы предстоящей поездки) и всего лишь несколько отдельных реплик после него. Так, 8 октября 1933 года Гандшин ворчит, что Англес на обратном пути из Англии в Барселону не заехал в Цюрих:

...Жаль, что Вы возвращались не через Цюрих. <...> Можно было бы и побеседовать в более уютной, чем в Кембридже, обстановке⁹.

Но это значит, что в идиллическом, наполненном прекрасной старинной музыкой Кембридже Гандшину не было уютно и даже не удалось спокойно побеседовать с коллегой. Можно ощутить некоторое его недовольство, однако, ученый не говорит прямо. Ситуация проясняется позже. Осенью 1935 года, то есть через два года после Кембриджа, в преддверии уже следующего конгресса IMS (Барселона, 1936), отвечая на присланное ему Англесом приглашение, Гандшин вдруг буквально «взрывается»:

...Как я слышал, конгресс все же будет в Барселоне, поскольку Дент пожелал, чтобы он прошел вместе с фестивалем современной музыки. Боюсь, что Дент Вам зубы заговаривает! Он любит такие комбинации, где музыкознание играет второстепенную и смехотворную роль. Но после того, как я уже однажды, в Кембридже, видел эту комбинацию Дента, больше видеть ее я не желаю и лучше уж в другой раз приеду в Барселону!¹⁰

В этой эмоциональной реплике слышна острая неприязнь к Денту и его политике в IMS (так восхитившей, как мы видели, иных коллег). При этом речь идет определенно о некоем новом качестве, привнесенном персонально Дентом. Ведь в Льеже музыковедческий конгресс тоже соседствовал с концертным фестивалем. Однако тогда это не вызвало обвинений со стороны Гандшина в том, что науку выставили «в смехотворной роли». Кембридж здесь продемонстрировал явно нечто новое. (Несколько опережая события, отмечу, что неприятие Гандшиным «кембриджских новаторств» продлится долгие годы, перейдя с Дента на его последователей и, в конце концов, приведя ученого к решительному дистанцированию от IMS.)

3. ЖАК ГАНДШИН И ЭДВАРД ДЕНТ

Фигура Эдварда Дента привлекает сейчас немалое внимание исследователей [9–12; 20; 21]. Сегодня Дент известен прежде всего как музыкальный организатор. Он оказал огромное влияние на музыкальную жизнь Великобритании, а равно и международную, как президент обоих музыкальных обществ (Музыковедческого [IMS] и Международного общества современной музыки [International Society for Contemporary Music]) в сложнейший исторический период — годы перед началом и в течение Второй мировой войны. Его работа немало осложнялась реалиями времени. Исследовательница творчества Дента Карен Эрпендейл пишет:

⁹ Handschin — Anglès, 08.10.1933. Handschin Nachlass im Institut für Musikforschung der Universität Würzburg; B1/21; далее: HN.

¹⁰ Handschin — Anglès, 09.11.35. BC.

...Дент не был немцем, и его международная слава полностью отвергалась теми, кто полагал, что Германия должна доминировать в сфере, где лидируют немцы, — в музыковедении, *Musikwissenschaft*. Это была беспощадная борьба и, как говорит Памела Поттер (исследовательница истории музыкознания Третьего рейха, см.: [47]. — Ж. К.), «Общество (IMS. — Ж. К.) было основано на двух конфликтующих между собой принципах — национализма и интернационализма...» [10].

О профессиональных убеждениях и целях Дента К. Эррендейл пишет:

Дент не выносил того, что сам он называл «музыкальной археологией» [12]. В 1933 году (в Кембридже. — Ж. К.) Дент пытался показать, что академическая наука о музыке может и даже должна выйти за проторенную колею, что исполнение есть само собой разумеющееся следствие [научного] исследования, и что музыке прошлого и музыке настоящего следует более активно взаимодействовать между собой [10].

Мы видим здесь три основные идеи: (1) современному музыкознанию стоит дистанцироваться от немецкой науки, от *Musikwissenschaft* (это есть «проторенная колея»); (2) исполнение есть «само собой разумеющееся следствие» научной работы и (3) старинной музыке и музыке современности следует активно взаимодействовать друг с другом. Кратко можно сказать, что это вопросы о науке, об исполнительстве, и о взаимодействии исторических времен и предметов исследования.

Гандшин по своему базовому образованию и первому роду деятельности был органистом. Он прошел долгий и непростой путь от работы музыканта-практика (концертного виртуоза) к стезе ученого, к музыковедению, а пройдя этот путь, сформировал логику иную, чем у Дента. Если в петербургской юности Гандшин, как музыкант-исполнитель, относился к науке скорее иронично (как «паразитическому явлению на теле музыки» [32, 38]), то позже он почти уже не находил времени для исполнительства, будучи поглощен исследовательской работой. Для зрелого Гандшина-ученого было концептуально важно разведение сфер научной деятельности и музыкантской практики; он писал: «Своеобразие первого (то есть музыковедения. — Ж. К.), разумеется, более отчетливо проступает там, где оно не смешивается с целевыми установками [музыкальной] практики» [22, 27]. Отсюда проистекали очевидные различия в специфике профессионализма музыканта-исполнителя и музыковеда-ученого. Проследим расхождения Гандшина с Дентом в этом вопросе. Сами по себе их различия не фатальны, однако акценты расставлены по-разному и ведут мысль ученых в разных направлениях.

Первое, что очевидно, — это сходство. В музыкальном исполнительстве Гандшин, как и Дент, ценил его современность. Будучи опытным виртуозом, Гандшин знал цену контакта с публикой. С этим, кстати, связано немаловажная трансформация его собственных взглядов: пришедшее с возрастом и опытом неприятие практики так называемого «аутентичного исполнительства» (с которого сам он начинал в Петербурге) как проявления «историзма — ошибочного применения истории» [26, 358], «бездушного использования лишь одной детали» [33, 246].

Принципиальное отличие воззрений Гандшина от Дента касается науки и ее профессионализма. То, что для Дента пресловутая (и презираемая им) «музыкальная археология», для Гандшина есть сфера высокой чистой мысли, — мысли о многом: об истории, о человеке, о Высшем, — реализуемая им через исследование музыки и ее истории. При этом, Гандшин имел выраженную склонность к абстрактному мышлению: универсальным объединяющим началом всему была для него математика (он имел к ней талант и называл «посланицей богов» [27, 51]¹¹). Неслучайно в свои поздние годы Гандшин пришел к идеальному созерцанию музыки. Известно его парадоксальное высказывание этих лет: «Музыка прекрасна. Жаль только, что она звучит...» [43, 240].

Все это неизбежно отражалось на его научном методе. В переписке с Англесом мы находим примечательную реплику — не просто редкое, но (по моим данным) единичное у Гандшина высказывание такого рода. Характерно, что мы находим его даже не в письме, а в сохранившемся черновике одного из писем. В чистовом варианте (который хранится в Барселоне) Гандшин убрал этот фрагмент, вероятно сочтя его слишком личностным). 8 октября 1933 года, после Кембриджского конгресса и именно его имея в виду, Гандшин писал:

...Вы уже видели в Англии, что есть люди, которые не могут мне простить, что я глубже работаю. <...> И завидовать мне нечего; поскольку, если у меня и есть преимущества перед кем-то, то это не талант, а только то, что я прилагаю больше усилий; и метода моей работы крайне невыгодна для меня же самого, поскольку столь медлительна!¹²

Это эмоциональное признание. Опуская ремарку о предполагаемой зависти коллег, обращу внимание на иное. В приведенных словах ученого о самом себе можно увидеть его осознанную склонность к тщательной — и поэтому столь медленной и «невыгодной» — научной филологической работе. Много позже Карл Дальхауз назовет Гандшина великим филологом [17, 440]. Конечно, сразу вспоминается известная филологическая традиция немецкого музыковедения (той самой «Musikwissenschaft», от которой призывал дистанцироваться Дент) и, например, тот факт, что Гандшин был в длительной переписке с Фридрихом Людвигом (Ludwig; 1872–1930), одним из столпов этой школы¹³.

¹¹ Подробнее о сюжете «Жак Гандшин и математика» см. [45].

¹² Handschin — Anglès, 08.10.1933. HN.

¹³ Сохранившаяся переписка Гандшина с Людвигом (около сотни писем) хранится в Бюрцбурге и еще ждет исследования. Это исследование обещает быть тем более интересным, что теперь, из работы А. М. Буссе Бергер мы знаем о принципиальном различии научных подходов двух выдающихся музыковедов, более того — о разнице самого их научного менталитета [16, 9–44; в рус. пер. 28–74]. Отмечу, кроме того, что в филологической «дотошности» Гандшина-ученого можно усмотреть не только влияние Людвига, но и компонент более ранний, тот, что проявил себя еще в петербургские годы у Гандшина-органиста, и который сам музыкант осмысливал с долей юмора. — Его бывший ученик в органном классе Петербургской консерватории Сергей Прокофьев писал, негодуя, о Гандшине-педагоге (неуклонно заставлявшем его методично проучивать сложную органную фактуру): «этот швейцарский формалист...!» [1, 258]. Однако, возможно, слово шло от самого Гандшина (или же пришлось ему по душе), ведь он охотно его подхватил: «Но как формалист, коим я являюсь...» [25, 160]. Ясно, что этот, так называемый «формализм» здесь много сложнее, чем то, что возмутило юного, упоенного собственным талантом Прокофьева.

Но и с самой филологией у Гандшина тоже все непросто. Вспомним, что в юности (в 1905 году) он был учеником великого Карла Крумбахаера (Krumbacher; 1856–1909) — одного из крупнейших филологов-византинистов эпохи. Как показали исследования, юный Жак был тогда так увлечен предметом и обучением у Крумбахаера, что даже собирался защищать под его руководством диссертацию. При этом тема, выбранная им самим, не имела ничего общего с музыкой. А ведь в те годы Гандшин был активно концертирующим органистом и не собирался прекращать свою деятельность музыканта [2].

Здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали это размышление, — к теме, которая осязаемой нитью проходит через всю жизнь Гандшина, модулируя постепенно из по-юношески напряженного переживания внутренней расщепленности в область высоких размышлений зрелого ученого. Это тема о соотношении музыкантского (исполнительского) и научного (исследовательского) начал. В юности конфликт между ними «грозил взорвать его внутренний мир, поскольку и музыка, и наука требуют для себя первенства» [43, 43]. Позже территорией их «встречи» стало академическое музыковедение. Однако прежде Гандшину пришлось пережить и преодолеть то, что можно назвать искушением просвещенным дилетантизмом. Первая, написанная Гандшиным еще в Петербурге и (почти символическим образом) утраченная при отъезде из России диссертация (см.: [4]), была плодом именно такого склада мысли, — органичного тогда в России (где музыковедение, как наука, только зарождалось). Однако попав в западноевропейские академические круги, Гандшин, вероятно, услышал критику Карла Нефа и других профессионалов в свой адрес. Возможно, эти замечания уязвили его (ведь в Петербурге он чувствовал себя единственным, недосягаемым и непогрешимым). Но это был важный урок — а Гандшин всегда был хорошо обучаем.

Отныне, сохраняя для себя обе сферы профессиональной деятельности, он их строго разводил. Ни о каком «исполнительстве как само собой разумеющемся следствии исследования» у зрелого Гандшина и речи быть не могло. Более того: он усматривал опасность даже просто в сближении этих сфер и писал о «тех, кто желает снести границы между наукой и искусством (тем самым распахивая и в науке дверь безудержной гонке за оригинальностью)» [34, 170]. Становится понятным его неприятие организаторских принципов Дента (по его убеждению, дилетанта в науке): смещения (как он это видел) музыковедения на второй план массовыми концертными мероприятиями. Гандшин реагировал жестко и в одном из писем 1936 года назвал Дента клоуном¹⁴. Как музыкант, он наслаждался щедро и изысканно озвученным Кембриджем¹⁵. Однако научная часть мероприятия вызвала у него совсем иную реакцию. В той же рецензии, но в разделе, посвященном собственно музыковедческому собранию, мы читаем:

...В Англии склонны оценивать работу музыковедения по той пользе, какую оно способно принести музыке. Одна реплика в программной брошюре миленько выразила это: якобы есть ученые, которые годами сидят за расшифровками

¹⁴ Handschin — Anglès, 11.03.1936. BC.

¹⁵ Это чувствуется в его пространной рецензии «Cambriger Musiktage» [35], написанной тепло, с живой симпатией и стилистически даже более поэтично, чем это обычно у Гандшина.

манускриптов, а когда раскопанное произведение, наконец, исполняется, то оно предстает лишь странным курьезом; тем не менее, не стоит терять мужества, поскольку и это тоже имеет свой смысл, ведь может стать стимулом для творческой фантазии. Спасибо за добрые намерения, дорогой господин профессор! [35, 1536]

«Подождем, может и музыкальное исполнительство пожелает, наконец, иметь равного себе союзника, а не только прислугу!» [35, 1536] — завершает Гандшин свои размышления о кембриджском конгрессе.

Разногласия Гандшина и Дента — являли собой часть большой дискуссии эпохи. В ней принимали участие самые крупные ученые (например, Йоханнес Вольф и Гуго Аберт; последний, кстати, был, скорее на стороне единомышленников Гандшина и писал о том, что «музыка и музыкознание “живут в совершенно разных домах”» [47, 61–62]). Это была сложная, внутренне неоднородная полемика. Для разных ученых (даже казавшихся в ее контексте единомышленниками) многое в ней было по-разному. А поскольку одни и те же понятия могли иметь разный личностный генезис (что именно и произошло в случае с Дентом и Гандшиным), то вели они ученых в разных направлениях. Сегодня мы вряд ли станем искать однозначный ответ на вопрос, кто прав, а кто нет: оба направления мысли решали свои исторические задачи, за каждым была своя правда. Вот только конкретные представители этих направлений (как нередко бывает в истории науки) сосуществовать в одном историческом пространстве и в непосредственном общении друг с другом могли лишь с большим трудом.

...А тем временем исторические события не ждали — и накатывали гигантской волной.

4. БАРСЕЛОНА, АПРЕЛЬ 1936

Конгресс 18–25 апреля 1936 года сегодня знаменит, ему посвящают специальные научные заседания¹⁶. Это было сложное и драматичное собрание. Весной 1936 года на Испанию надвигалась гражданская война. (Она разразится спустя лишь три месяца после окончания музыковедческого симпозиума.) Однако, несмотря на стремительно сгущавшиеся тучи, Англес взял на себя смелость проведения очередного конгресса в Барселоне. Параллельно — по образцу Кембриджа 1933 года — проходил и музыкальный фестиваль: на этот раз его приурочили к очередному конгрессу Международного общества современной музыки. Ветра грядущих катастроф уже оевали собравшихся в столице Каталонии музыкантов и ученых.

Но беспокойно было и в самой науке. Немецкое музыкознание к весне 1936 года уже раскололось на сторонников и противников новых германских властей. Часть ученых покинула Германию. В Барселоне лицом к лицу встретились представители

¹⁶ Имею в виду 19-й конгресс IMS (Рим, 2012), где барселонскому конгрессу посвятили специальную секцию под названием «Национализм и интернациональные идеалы в музыке и музыкознании: Барселона, апрель 1936» («Nationalism and international ideals in music and musicology: Barcelona, April 1936»).

официальной немецкой науки (благополучно работавшие в нацистской Германии), — и их оппоненты-изгнанники.

Получив от Англеса приглашение, Гандшин сначала даже отказался ехать. Однако затем он согласился на уговоры коллеги. Ведь тот писал, что это его, Англеса, конгресс (а не Дента), что речь идет о его имени и репутации ученого. К тому же, сугубо конфиденциально, Англес сообщил Гандшину, что во время конгресса Дент якобы намерен подать в отставку. Все это вдохновило Гандшина. И он не просто дал согласие приехать, а активно включился в подготовку мероприятия.

Переписка ученых этого периода очень интенсивна: всего сохранилось 27 писем, относящихся ко времени подготовки и проведения конгресса (то есть за год с небольшим: с апреля 1934 по июль 1936), в которых ученые обсуждают эти дела. В период, непосредственно предшествующий конгрессу, послания следуют буквально одно за другим, каждые два-три дня. Ученые обсуждают состав делегаций, возможности участников, организационные вопросы и финансовые подробности. В ответ на просьбу Англеса приглашать других ученых и научную молодежь Гандшин привлекает своих учеников и младших коллег. В Барселону с докладами приезжают Манфред Букофцер, Гийом Де Ван и Отто Гомбози. Сам Гандшин выступает с докладом «Понятие “качества” в психологии звука» («La notion de ‘qualité’ dans la psychologie du son»), ведь он в этот период работает над книгой «Der Toncharakter» [24].

Из всей этой интенсивной деятельности Гандшина следует, что в свои зрелые годы он вовсе не охладил к масштабной организаторской работе на благо музыкознания, столь увлекавшей его в юности. Однако, имея в виду описанные выше разногласия с Дентом, он ждет перемен в IMS и очень надеется на них.

Между тем перед конгрессом завязывается настоящая интрига: «заговор» с целью смещения Дента с поста руководителя IMS. П. Поттер посвящает этому сюжету фрагмент своей книги [47, 115–117, 293]. Приводимые исследовательницей материалы убедительны, однако, требуют некоторых дополнительных комментариев.

По наблюдению Поттер, «двигателем заговора» был Генрих Бесселер (Besseler; 1900–1969), глава немецкой делегации в Барселоне и неофициальный лидер германского музыкознания тех лет. Бесселера поддерживала группа его сторонников — членов этой делегации. Их целью была замена Дента на немецкого ученого, представителя официальной науки Германии тех лет. Тем самым восстанавливалось бы главенство немецкой школы в международном музыкознании («пошатнувшееся» в период правления кембриджского профессора и убежденного интернационалиста Дента [21, 20–24]) и определялось ее доминирование в официальных управляющих структурах IMS. Идеологически картина тоже предстает весьма однозначной, ведь Дент был активным антифашистом, а его противники («заговорщики») — скорее, союзниками нового германского режима.

Однако присмотримся к происходящему несколько ближе и «персональнее». Сторонниками ухода Дента были и Гандшин, и Англес. Последний разделял недовольство Гандшина общим курсом, избранным руководством Общества. К тому же Англес был преданным учеником Фридриха Людвига, и идея Дента дистанцироваться от немецкой научной школы не могла прийти ему по душе.

По убеждению Англеса, пост президента IMS должен был занять немецкий ученый, стоявший вне политики¹⁷.

Гандшин в переписке этих дней с каталонским коллегой активно обсуждал вопрос отставки Дента и кандидатуру нового президента IMS, то есть тоже «участвовал в заговоре». Анализируя его позицию, мы затрагиваем сложный вопрос о взаимоотношениях Гандшина с Musikwissenschaft. Отмечу здесь лишь несколько аспектов.

Судя по имеющимся документам, в 1936 году Гандшин понимал наивность Англеса и его поисков «немца вне политики». Гандшин писал о том, что в IMS существует «немецкий вопрос», и был склонен искать на пост президента представителя иной страны. Сам он подчеркнуто дистанцировался от немецкой делегации на конгрессе и сделал это характерным для себя способом — выбором языка: он произнес свой доклад по-французски, а Англесу писал:

Боюсь, немцы будут злы на меня за то, что я буду говорить по-французски, но для меня французский — язык международной вежливости¹⁸.

Это очень характерная реплика для Гандшина: базельский швейцарец с русскими корнями, он искал во французском языке (и французской культуре) противовес наступавшему германизму эпохи.

Обращу внимание на пункт, который объединяет ориентированного на немецкую школу Англеса и франкофила Гандшина в их непростых поисках. Англес пишет: «Нам нужен способный человек, который энергично возьмется за дело, дабы придать нашему Обществу то интернациональное значение, которого оно заслуживает»¹⁹. Тема интернационализации науки важна и для Гандшина (объединявшего в самом себе несколько европейских культур). Его интересует интернационализация на позициях высокого профессионализма: по образцу и на уровне немецкого академического музыкознания, — однако не обязательно на базе собственно немецкой школы. Позже, уже в годы Второй мировой войны, эта тема — удержание и возможное укрепление международных связей — станет основной в деятельности ученого на посту руководителя музыковедческого семинара Базельского университета. Сложным комплексом действий Гандшин уберезит этот семинар (как едва ли не единственный в этом смысле в Швейцарии) от однозначного подчинения официальной немецкой науке тех лет [41, 325–336].

В Барселоне 1936 года у Гандшина есть своя кандидатура на пост президента. Он долго держит ее в секрете от Англеса. Однако накаленность вопроса и интенсивность дискуссии столь велики, что Гандшин признается:

...Существует «немецкий вопрос», и он вызывает разные реакции. Поэтому я считаю, что лучше избрать Англеса, который (не краснейте) сам по себе замечателен и благорасположен к немцам, а также заслуживает благодарности за, будем надеяться, хорошо проведенный конгресс²⁰.

¹⁷ Anglès — Handschin, 11.02.1936. HN.; 11.03.1936. BC.

¹⁸ Handschin — Anglès, 31.01.1936. BC.

¹⁹ Anglès — Handschin, 29.01.1936. HN.

²⁰ Handschin — Anglès, 11.03.36. 84. BC.

Итак, его кандидатура — Англес, воспитанный в немецкой научной школе, интернационально ориентированный коллега из Барселоны. Тот, однако, отшучивается²¹ и продолжает искать кандидатуру в Германии.

...Но приходят дни конгресса, и события на нем разворачиваются самым непредсказуемым образом. Дент (известным прозвищем которого было «старая змея»), зная о готовящихся действиях оппонентов, делает простой ход: он не приходит на решающее собрание под предлогом болезни. Его помощники (в первую очередь вице-президент Англес) узнают об этом в последнюю минуту и не получают никаких инструкций. Они растеряны. Собрание дезорганизовано, и весь замысел «свержения Дента» рассыпается в прах...

Гандшин вне себя:

Беда в том, что те, кто хочет служить музыковедению, составляют в Директории меньшинство, а большинство — это те, кто стремится использовать дело в своих целях. И эти последние, очевидно, хитрее, —

пишет он в июне 1936 года²². И хотя именно в эти дни в Барселоне его избирают членом Директории, однако то, что произошло с постом президента Общества, есть для него победа непрофессионалов и честолюбцев. А через целых десять лет он, так и не остыв, вернется к барселонским событиям и еще ужесточит формулировки: «...когда в Барселоне переизбрали Дента, то тем самым утвердили режим, утвердили клику»²³.

Однако близится конец 1930-х годов. И скоро уже сам мир (а не только собрание IMS) погрузится в хаос. Следуют гражданская война в Испании, драматичное бегство Англеса в Мюнхен (пешком, украдкой, по проселочным дорогам, переодевшись в чужое платье и в постоянном страхе за свою жизнь [8, 51–52]). Затем — катастрофа Второй мировой. В письмах ученых этого времени — обсуждение уже совсем иных тем. Гандшин и Англес пишут друг другу вплоть до 1942 года. Затем наступает долгий перерыв.

5. БАЗЕЛЬ, ИЮНЬ 1949

Международное музыковедческое Общество возобновляет деятельность после войны. Его Четвертый (первый после войны) конгресс проходит в Базеле. Исследователи истории базельской музыковедческой школы М. Кирнбауэр и Х. Циммерманн пишут:

Базель снова был призван создать форум, на котором можно было оживить IMS, чьи организационные структуры пережили в Базеле военное время без каких-либо потерь. Одновременно с этим существовало и наивное желание примирить враждующие стороны [42].

²¹ Anglès — Handschin, 31.03.36. HN, BC.

²² Handschin — Anglès, 10.06.1936. HN, BC.

²³ Handschin — Anglès. 10.02.1946. HN.

Прошло целых тринадцать лет после всемирной встречи музыковедов в Барселоне. Все потрясены мировой войной, у всех свои горести, утраты — и своя память. Несмотря на то, что военные катаклизмы отгремели, страсти еще не улеглись, и конфликты не были исчерпаны. Главный вопрос базельского конгресса все тот же: о немецком музыкознании внутри и извне IMS. И хотя, в отличие от Барселоны, теперь «немецкий вопрос» развернут в обратную сторону (прежние фавориты режима оказались в роли гонимых), однако, противники прежние. На конгрессе царит напряженная атмосфера. По словам М. Букофцера, «тучи, собравшиеся в 1936 году над Испанией, по-прежнему тяжело висели над горизонтом» [41, 335]. При этом происходящее несет почти трагическую ноту, ведь в Базеле в 1949 году лицом к лицу встретились «не только победители и побежденные, — но преступники и их жертвы» [ibid.].

Как мы знаем из предыдущих публикаций [3; 7], фактология событий включает два собрания в Базеле. Весной 1948 года состоялась конференция Директории IMS — первая после войны. А через год с небольшим, 30 июня — 3 июля 1949 года, прошел и собственно Четвертый конгресс IMS [38]. На нем сменилось руководство Общества: Эдвард Дент (который к этому времени достиг преклонного возраста) уступил место датскому музыковеду Кнуду Йеппесену (Jeppesen; 1892–1974), своему давнему помощнику и единомышленнику.

Жак Гандшин на базельском конгрессе — в непрестом положении. С одной стороны, он — глава базельского музыкознания, и конгресс этот не мог бы состояться без его поддержки и участия. С другой, он не забыл пережитого в Барселоне. И его отношение к предстоящему собранию неоднозначно. Но и сам голос ученого звучит уже устало: ведь ему не 50 лет (как в Барселоне), а 63, и за минувшие годы он пережил немало утрат. К тому же он очень занят: именно в 1948 году выходят в свет обе его крупнейшие работы: книги «Характер звука. Введение в звуковую психологию» («Der Toncharakter: Eine Einführung in die Tonpsychologie» [24]) и «Обзор истории музыки» («Musikgeschichte im Überblick» [30]).

Накануне первой конференции, осенью 1947 года, Гандшин пишет Англесу: «Не думаю, что из этого получится что-нибудь реальное...»²⁴. А в преддверии самого конгресса продолжает: «я опасаясь, что конгресс не удастся, ведь кто же сможет приехать, если путешествие столь трудно, и даже проживание не оплачивается?»²⁵. Однако дело здесь не только в текущих финансовых сложностях. Для Гандшина нерешенными остались глубинные проблемы в самой организации IMS.

Начинается конгресс. Полемизируя со своими давними оппонентами, Гандшин произносит (снова по-французски, — теперь уже в немецкоязычном Базеле) доклад «Музыковедение и музыка» («Musicologie et Musique» [28; 29]), целиком посвящая его размышлению о том, что есть музыкознание и каковы его взаимоотношения с музыкальной практикой. Он говорит о самом названии этой науки, о различии между знанием — и научной мыслью

²⁴ Handschin — Anglès, 27.10.47. HN.

²⁵ Handschin — Anglès, 20.07.1948. HN.

(«Можно многое знать о музыке, можно быть ее знатоком, — но не быть музыковедом»; «Музыкознание существует не для того, чтобы выдавать музыке рецепты»), о границах практических результатов. Но при этом он говорит и о гораздо большем: о человеке, об истории, о Европе, о Византии — и, как почти всегда у Гандшина, о России.

Однако реальные события жизни IMS идут своим чередом. Конгресс утверждает нелегитимное с точки зрения Гандшина расширение Директории [3]. Преемником Дента становится его единомышленник Кнуд Йеппесен (которого Гандшин как-то прежде назвал «Дент-ист» (Handschin — Anglès, 13.10.1936. HN, BC). Никаких изменений в работе IMS не предвидится. Это вторичное (после Барселоны) поражение для Гандшина теперь уже окончательно. Не видя более возможности влиять на работу, он выходит из состава Директории и пишет Англесу:

Можете быть уверены, что мне было грустно выходить из Директории, в которую Вы избрали меня в Барселоне. Но, с другой стороны, я, пожалуй, не подхожу для таких постов²⁶.

Его последняя в переписке с Англесом реплика о делах IMS относится к 1952 году — и звучит (в постскриптуме к одному из писем) как печальный вздох: «Ну что еще мне сказать о наших “интернационалистах...”»²⁷.

* * *

Представленные материалы проливают свет на непростые события из истории Международного музыковедческого общества. Мы также находим в них новые штрихи к портрету Жака Гандшина. Остановлюсь на последнем.

Без сомнения, ученый был сложным, а в зрелые и поздние годы — трудным для общения человеком. Наиболее радикально это представление оказалось сформулировано его бывшим учеником Манфредом Букофцером в вопросе к приехавшему из Базеля аспиранту: «А что, Гандшин все также безумен?» [5, 181]. Возможно, именно материалы по работе в IMS (где мысль ученого обращена к организации масштабного научного сообщества) и именно в варианте частной переписки (доверительной, как с Англесом) позволяют иначе взглянуть на «безумие» зрелого и позднего Гандшина.

Мы видим растущее с годами недоверие к миру и углубляющийся скепсис. Гандшин повсюду усматривает интриги (и негодует: «Это парламентаризм!...»²⁸). Он чувствует себя вытесненным из группы влияния в IMS. Ведь там нужно быть «дипломатом», а это — не для него. Горько-горделиво звучат его слова: «я не дипломат... В моем возрасте уже не становятся дипломатами...»²⁹. Более того, со своей пресловутой скрупулезностью он страшно неудобен для «дипломатов». И они более или менее вежливо его обходят: решают без него

²⁶ Handschin — Anglès, o. D. (1948). HN.

²⁷ Handschin — Anglès. 26.11.1952. HN.

²⁸ Handschin-Anglès, 18.05.1949. HN.

²⁹ Handschin — Anglès, 29.03.1949. HN.

важные для IMS вопросы, не сообщают точных сроков начала заседаний (вероятно, дабы избежать его присутствия, его вечной критики, «придилок» к протоколам, протестов и пр.). Он чувствует, что его избегают, и порой гневается («Можно спросить, могут ли такие люди как я вообще быть в парламенте, или же они слишком глупы для этого»³⁰), а порой просто принимает все происходящее как данность.

«...Для президентства я слишком стар, и кроме того, даже если бы я и подходил, у меня не было бы шансов, поскольку меня не любят», — пишет он Англесу в ответ на его предложение самому возглавить IMS³¹. Он понимает, что он чужд в этом мире «дипломатов». Но и для него — все меньше людей, которым он по-настоящему доверяет. В конце пути их буквально единицы.

В этом контексте примечательно письмо Йеппесена, написанное им Денту в 1936 году, после конгресса в Барселоне. Приведу целиком фрагмент, касающийся Гандшина:

...О Гандшине. Я думаю, Вы не совсем его понимаете, как и он не понимает Вас. Он много занимался средневековой музыкой, так что и сам постепенно стал «готичен». Он в некотором смысле чужак, но, несмотря на свои странности, симпатичен мне. Вы, вероятно, сочтете его мелочным. А я бы, скорее, назвал боязливым и связал бы это не с его занятиями Средневековьем, а с жизненными обстоятельствами. У него была трудная жизнь, он даже по-настоящему голодал, а когда настали лучшие дни, у него умер его единственный ребенок, юноша.³² Это сломило его. Когда он ворчал на Вас в Барселоне, я сказал ему: да, Вы с Дентом, как двойники-звезды с противоположными знаменами, — что кажется, его рассердило. Вам тоже, наверное, не понравится эта скверная шутка? Однако я счел бы крайне полезным для нашего Общества, если бы Вы с ним лучше относились друг к другу; ведь и он тоже серьезен в своем интересе к нашему Обществу, а много ли таких. Большинство наших членов пассивны, если не прямо враждебны нашему делу (не желая говорить об этом открыто), как нацисты в Германии и Швейцарии. Но Гандшин — не нацист (он прямо сказал мне об этом в Барселоне)³³.

Эта цитата, думается, не требует комментариев. «Он искренен в своем интересе к нашему Обществу, а много ли таких...», — пишет будущий президент Международного музыковедческого общества накануне мировых военных потрясений. Приведенные в данной статье материалы показывают, что вопрос о ценности чистого служения науке бывает непросто, а порой и драматичен, что память нашей науки сложна, — и изучение материалов по истории IMS побуждает к дальнейшей работе и серьезному размышлению.

³⁰ Handschin — Anglès, 18.05.1948. HN.

³¹ Handschin — Anglès, 22.06.1949. HN.

³² Йеппесен имеет в виду внезапную кончину младшего сына Гандшина, Павла, в возрасте семнадцати лет. Однако он не знает обо всех испытаниях, выпавших на долю ученого, который пережил смерть не одного, а обоих своих детей [43, 234].

³³ Jeppesen — Dent. [o. D.]. Dent's Archiv. King's College, Cambridge.

Использованная литература

1. *Ахонен А. Н.* Сергей Прокофьев в Петербургской консерватории. СПб.: Композитор, 2016. 288 с. (Петербургский музыкальный архив, вып. 14).
2. *Князева Ж. В.* Жак Гандшин в поисках своей науки. Письма Карлу Крумбахеру // Научный вестник Московской консерватории. Том 7. Выпуск 1 (март 2016). С. 110–123. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2016.24.1.07>.
3. *Князева Ж. В.* Жак Гандшин и первые послевоенные собрания Международного музыковедческого общества. По материалам переписки ученого // Научный вестник Московской консерватории. Том 14. Выпуск 2 (июнь 2023). С. 366–385. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.53.2.05>.
4. *Князева Ж. В.* Из истории одной исчезнувшей диссертации // Opera Musicologica. 2011. № 1 (7). С. 40–76.
5. *Князева Ж. В.* Манфред Букофцер, Пауль Захер и базельский ординариат // Научный вестник Московской консерватории. Том 9. Выпуск 4 (декабрь 2019). С. 162–193. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2019.39.4.006>.
6. *Князева Ж. В.* Музыковеды о политике. Жак Гандшин и Ижини Англес: из писем 1930-х годов // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 1: 1920-е — 1930-е годы / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис, 2017. С. 59–83.
7. *Князева Ж. В.* Ученые о послевоенной реформе Международного музыковедческого общества // Научный вестник Московской консерватории. Том 14. Выпуск 3 (сентябрь 2023). С. 516–527. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.54.3.07>.
8. *Князева Ж. В., Молина Морено, Фр.* По страницам западной корреспонденции Жака Гандшина: Ижини Англес // Временник Зубовского института. 2019. № 1 (24). С. 39–61.
9. *Эррэндейл К.* «Новое и скорее пугающее слово ‘музыковедение’». Эдвард Дент и музыкальная политика // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 1: 1920-е — 1930-е годы / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис: 2017. С. 84–100.
10. *Arrandale K.* Artists v. Archaeologists: The 1933 International Society for Musicological Research Festival and the Changing Role of the Musicologist: paper given at the V Coloquio de Musicología: Construcciones del pasado musical. Zaragoza, 25–26 November 2011. (Publication in preparation).
11. *Arrandale K.* Edward J. Dent: A Life of Words and Music. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2023. XVIII, 544 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv136btpt>.
12. *Arrandale K.* So Musical a Discord: Edward J. Dent and the Protocol of Barcelona / Study Session 4c: Nationalism and International Ideas in Music and Musicology: Barcelona, April 1936 // Musics Cultures Identities. 19th Congress of the IMS. Programme and Abstracts. (Roma, 1–7 luglio 2012) / a cura di L. Bognetti, D. Macchione. Roma: Academia Nazionale di Santa Cecilia, 2012. P. 176.
13. *Beethoven-Zentenarfeier: Wien, 26. bis 31. März 1927, veranstaltet von Bund und Stadt, unter dem Ehrenschatz des Herrn Bundespräsidenten Michael Hainisch.* Wien: Universal-Edition, 1927. 83 S.
14. *Bericht über den 1. Musikwissenschaftlichen Kongress der Deutschen Musikgesellschaft in Leipzig vom 4. bis 8. Juni 1925 / hrsg. von Deutsche Musikgesellschaft.* Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1926. 470 S.
15. *Bericht über den musikwissenschaftlichen Kongress in Basel: veranstaltet anlässlich der Feier des 25 jährigen Bestehens der Ortsgruppe Basel der Neuen Schweizerischen Musikgesellschaft, Basel, vom 26. bis 29. September 1924.* Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1925. 399 S.
16. *Busse Berger A. M.* Medieval Music and the Art of Memory. Berkeley and Los Angeles, California; London, England: University of California Press, 2005. XVI, 288 p. Рус. пер.: Быссе

- Бергер А. М. Средневековая музыка и искусство памяти / пер. с англ. М. Акимовой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 426 с. (Современная европейстика / Contemporary European Studies).
17. *Dahlhaus C.* Jacques Handschin, „Musikgeschichte im Überblick“, Wilhelmshaven, 1981 // Carl Dahlhaus. *Gesammelte Schriften* / hrsg. von H. Danuser. Bd. 9: Rezensionen. Laaber: Laaber Verlag, 2006. S. 440–441.
 18. Die Gründung der Internationalen Gesellschaft für Musikwissenschaft // *Mitteilungen der Internationalen Gesellschaft für Musikwissenschaft* / *Bulletin de la Société Internationale de Musicologie*. Jg. 1. Nr. 1 (1. Oktober 1928). S. 1–9.
 19. *Erni J.* Paul Sacher: Musiker und Mäzen. Aufzeichnungen und Notizen zu Leben und Werk. Basel: Schwabe, 1999. 215 S.
 20. *Fausser A.* Edward J. Dent // *The History of the IMS (1927–2017)* / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel: Bärenreiter, 2017. P. 45–49.
 21. *Fausser A.* Some Challenges for Musicological Internationalism in the 1930s // *The History of the IMS (1927–2017)* / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel: Bärenreiter, 2017. P. 20–24.
 22. *Handschin J.* Der Arbeitsbereich der Musikwissenschaft // *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie* / hrsg. von H. Oesch. Bern; Stuttgart: Paul Haupt, 1957. S. 23–28.
 23. *Handschin J.* Der erste Kongreß der Internationalen Gesellschaft für Musikwissenschaft in Lüttich // *Zeitschrift für Musikwissenschaft*. Jg. 13 (1930–1931). S. 29–33.
 24. *Handschin J.* Der Toncharakter: Eine Einführung in die Tonpsychologie. Zürich: Atlantis, 1948.
 25. *Handschin J.* Die religiöse Lyrik des Mittelalters // *Gedenkschrift Jacques Handschin: Aufsätze und Bibliographie* / hrsg. von H. Oesch. Bern; Stuttgart: Paul Haupt, 1957. S. 150–160.
 26. *Handschin J.* Die Stellung der Musik im Rahmen der Gesamtkultur // *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie* / hrsg. von H. Oesch. Bern; Stuttgart: Paul Haupt, 1957. S. 355–358.
 27. *Handschin J.* Gedanken über moderne Wissenschaft // *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie* / hrsg. von H. Oesch. Bern; Stuttgart: Paul Haupt, 1957. S. 51–59.
 28. *Handschin J.* Musicologie et Musique // *Internationale Gesellschaft für Musikwissenschaft, 4. Kongress. Basel, 29. Juni — 3. Juli 1949. Kongressbericht*. Basel: Bärenreiter. S. 9–22.
 29. *Handschin J.* Musicologie et Musique // *La revue internationale de Musique* 9 (1950/1951). P. 220–232.
 30. *Handschin J.* Musikgeschichte im Überblick. Luzern: Räber, 1948. 432 S.
 31. *Handschin J.* Musiktage in Barcelona // *Neue Zürcher Zeitung*. Nr. 771 (5. Mai 1936).
 32. *Handschin J.* Über das Studium der Musikwissenschaft // *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie* / hrsg. von H. Oesch. Bern; Stuttgart: Paul Haupt, 1957. S. 38–50.
 33. *Handschin J.* Was Stravinsky kann und was er nicht kann // *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie* / hrsg. von H. Oesch. Bern; Stuttgart: Paul Haupt, 1957. S. 246–248.
 34. *Handschin J.* Zur Biographie Hermanns des Lahmen // *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie* / hrsg. von H. Oesch. Bern; Stuttgart: Paul Haupt, 1957. S. 170–174.
 35. *Hdn.* [Jacques Handschin]. *Cambridger Musiktage* // *Neue Zürcher Zeitung*. 1933. Nr. 1437, 1470, 1536.
 36. *Hn.* [Jacques Handschin] *Beethoventage in Wien* // *Neue Zürcher Zeitung*. 1927. Nr. 593.
 37. *Hn.* [Jacques Handschin]. *Das Musikfest in Lüttig* // *Neue Zürcher Zeitung*. 1930. Nr. 1783, 1787, 1838.
 38. *Internationale Gesellschaft für Musikwissenschaft, 4. Kongress. Basel, 29. Juni — 3. Juli 1949. Kongressbericht*. Basel: Bärenreiter, 1951. 235 S.

39. *Jeppesen K.* Der Kongress // *Acta Musicologica*. Vol. V. Fasc. IV (M. Oct. – M. Dec., 1933). S. 145–146.
40. *Kirnbauer M.* A “Prelude” to the IMS // *The History of the IMS (1927–2017)* / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel: Bärenreiter, 2017. P. 11–20.
41. *Kirnbauer M., Zimmermann H.* „Wissenschaft in keimfreier Umgebung“? Musikforschung in Basel 1900–1960 // *Musikwissenschaft — eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung* / hrsg. von A. Gerhard. Stuttgart: J. B. Metzler, 2000. S. 321–346.
42. *Kirnbauer M., Zimmermann H.* Neutrale Wissenschaft auf neutralem Boden? Musikforschung in der Schweiz 1920–1950 // *Neue Zürcher Zeitung*. 1996. Nr. 262 (9./10. Nov.).
43. *Kniazeva J.* Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte / hrsg. von M. Kirnbauer und U. Mosch. Basel: Schwabe, 2011. 1045 S. (Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik, Bd. 1).
44. *Kniazeva J.* Jacques Handschin, Musicology and the IMS in the 1920s to 1940s // *The History of the International Musicological Society* / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel; Basel: Bärenreiter, 2017. P. 25–32.
45. *Maier F. M.* Jacques Handschins Kategorie *Toncharakter* im Licht der mathematischen Kombinatorik // *Archiv für Musikwissenschaft*. Jg. 69. H. 3 (2012). S. 251–262. <https://doi.org/10.25162/afmw-2012-0023>.
46. *Music Cultures Identities. 19th Congress of the IMS. Programme and Abstracts.* (Roma, 1–7 luglio 2012) / a cura di L. Bognetti, D. Macchione. Roma: Academia Nazionale di Santa Cecilia, 2012. 554 p.
47. *Potter P. M.* Die deutsche der Künste. Musikwissenschaft und Gesellschaft vor der Weimarer Republik bis zum Ende des Dritten Reichs. Stuttgart: Metzler, 2000. 416 S.
48. *Société internationale de musicology, Première congrès, Liège, 1er au 6er septembre 1930: Compte rendu.* Guildford: Billing, [1931]. 248 p.
49. *Stahelin M.* Musikwissenschaft und Musikpflege an der Georg-August Universität Göttingen. Beiträge zu ihrer Geschichte. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1987. 200 S. (Göttinger Universitätsschriften, Serie A: Schriften, Bd. 3).
50. *Stroux Ch.* Jacques Handschin. Index scriptorium // *In Memoriam Jacques Handschin* / hrsg. von H. Anglès. Argenterati: P. H. Heitz, 1962. S. 2–26.

Получено: 12 декабря 2022 года

Принято к публикации: 25 марта 2023 года

Об авторе:

Жанна Викторовна Князева — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора музыки Российского института истории искусств

References

1. Ahonen, Aleksandra N. 2016. *Sergey Prokof'ev v Peterburgskoy konservatorii* [Sergey Prokofiev at the St. Petersburg Conservatory]. *Peterburgskiy muzykal'nyy arkhiv 14* [St. Petersburg Music Archive 14]. St.-Petersburg: Kompozitor, 2016. (In Russian).
2. Kniazeva, Jeanna V. 2016. “Jacques Handschin in Search of his Science. Letters to Karl Krumbacher.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 7, no. 1 (March): 110–23. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2016.24.1.07>.

3. Kniazeva, Jeanna V. 2023. "Jacques Handschin and the First Post-War Meetings of the International Musicological Society. (Based on the Scholar's Correspondence)." *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 14, no. 2 (June): 366–85. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.53.2.05>.
4. Kniazeva, Jeanna V. 2011. "Iz istorii odnoy ischeznuvshey dissertatsii [From the History of One Missing Dissertation]." *Opera Musicologica*, no. 1 (7), 40–76. (In Russian). http://old.conservatory.ru/files/OM_07_Knyazeva_full.pdf (accessed September 12, 2023).
5. Kniazeva, Jeanna V. 2019. "Manfred Bukofzer, Paul Sacher and the Basel Ordinariat." *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 10, no. 4 (December): 162–93. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2019.39.4.006>.
6. Kniazeva, Jeanna V. 2017. "Musicologists about the Politics: Jacques Handschin and Higini Anglès, from the Correspondence of the 1930s." In *New Documents on the History of Art History*, vol. 1: 1920s and 1930s, compiled and edited by Jeanna V. Kniazeva, 59–83. St.-Petersburg: Petropolis. (In Russian).
7. Kniazeva, Jeanna V. 2023. "Scholars on Post-War Reform of the International Musicological Society." *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 14, no. 3 (September): 516–27. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.54.3.07>.
8. Kniazeva, Jeanna V., and Francisco Molina Moreno. 2019. "Po stranitsam zapadnoy korrespondentsii Zhaka Gandshina: Izhini Angles [Through the Pages of the Western Correspondence of Jacques Handschin: Higini Anglès]." *Vremennik Zubovskogo Instituta*, no. 24, 39–61. (In Russian).
9. Arrandale, Karen. 2017. "'Novoe i skoree pугayushchee slovo muzykovedenie.' Edward Dent i muzykal'naya politika ['The New and Rather Frightening Word *Musicology*.']" In *New Documents on the History of Art History*, vol. 1: 1920s and 1930s, compiled and edited by Jeanna V. Kniazeva, 84–100. Saint-Petersburg: Petropolis. (In Russian).
10. Arrandale, Karen. 2011. "Artists v. Archaeologists: The 1933 International Society for Musicological Research Festival and the Changing Role of the Musicologist," paper given at the V Coloquio de Musicologia: Construcciones del pasado musical. Zaragoza, 25–26 November 2011. (Publication in preparation).
11. Arrandale, Karen. 2023. *Edward J. Dent: A Life of Words and Music*. Woodbridge: Boydell & Brewer. <https://doi.org/10.2307/j.ctv136bttt>.
12. Arrandale, Karen. "So Musical a Discord: Edward J. Dent and the Protocol of Barcelona." In *Musics, Cultures, Identities: IMS 19th Congress, Rome 1–7 July 2012: Programme and Abstracts*, edited by Laura Bognetti and Daniela Macchione, 176. Rome: Academia Nazionale di Santa Cecilia.
13. Exekutivkomitee der Feier. 1927. *Beethoven-Zentenarfeier: Wien, 26. bis 31. März 1927, veranstaltet von Bund und Stadt, unter dem Ehrenschatz des Herrn Bundespräsidenten Michael Hainisch*. Wien: Universal-Edition.
14. Deutsche Gesellschaft für Musikwissenschaft. 1926. *Bericht über den ersten Musikwissenschaftlichen Kongress der Deutschen Musikgesellschaft in Leipzig vom 4. bis 8. Juni 1925*. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
15. *Bericht über den musikwissenschaftlichen Kongress in Basel: veranstaltet anlässlich der Feier des 25 jährigen Bestehens der Ortsgruppe Basel der Neuen Schweizerischen Musikgesellschaft, Basel, vom 26. bis 29. September 1924*. 1925. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
16. Busse Berger, Anna Maria. 2005. *Medieval Music and the Art of Memory*. Berkeley and Los Angeles, California; London, England: University of California Press.

17. Dahlhaus, Carl. 2006. "Jacques Handschin, 'Musikgeschichte im Überblick,' Wilhelmshaven, 1981." In *Carl Dahlhaus. Gesammelte Schriften*, edited by Hermann Danuser, vol. 9: *Rezensionen*, 440–41. Laaber: Laaber Verlag.
18. "Die Gründung der Internationalen Gesellschaft für Musikwissenschaft." 1928. *Mitteilungen der Internationalen Gesellschaft für Musikwissenschaft / Bulletin de la Société Internationale de Musicologie* 1, no. 1 (October): 1–9.
19. Erni, Jürg. 1999. *Paul Sacher: Musiker und Mäzen. Aufzeichnungen und Notizen zu Leben und Werk*. Basel: Schwabe.
20. Fauser, Annegret. 2017. "Edward J. Dent." In *The History of the IMS (1927–2017)*, edited by Dorothea Baumann and Dinko Fabris, 45–49. Kassel: Bärenreiter.
21. Fauser, Annegret. 2017. "Some Challenges for Musicological Internationalism in the 1930s." In *The History of the IMS (1927–2017)*, edited by Dorothea Baumann and Dinko Fabris, 20–24. Kassel: Bärenreiter.
22. Handschin, Jacques. 1957. "Der Arbeitsbereich der Musikwissenschaft." In *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie*, edited by Hans Oesch, 23–28. Bern; Stuttgart: Paul Haupt.
23. Handschin, Jacques. 1930–31. "Der erste Kongreß der Internationalen Gesellschaft für Musikwissenschaft in Lüttich." *Zeitschrift für Musikwissenschaft* 13, 29–33.
24. Handschin, Jacques. 1948. *Der Toncharakter: Eine Einführung in die Tonpsychologie*. Zürich: Atlantis.
25. Handschin, Jacques. 1957. "Die religiöse Lyrik des Mittelalters." In *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie*, edited by Hans Oesch, 150–60. Bern; Stuttgart: Paul Haupt.
26. Handschin, Jacques. 1957. "Die Stellung der Musik im Rahmen der Gesamtkultur." In *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie*, edited by Hans Oesch, 355–58. Bern; Stuttgart: Paul Haupt.
27. Handschin, Jacques. 1957. "Gedanken über moderne Wissenschaft." In *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie*, edited by Hans Oesch, 51–59. Bern; Stuttgart: Paul Haupt.
28. Handschin, Jacques. 1951. "Musicologie et Musique." In *Internationale Gesellschaft für Musikwissenschaft, 4. Kongress. Basel, 29. Juni — 3. Juli 1949. Kongressbericht*, 9–22. Basel: Bärenreiter.
29. Handschin, Jacques. 1950–51. "Musicologie et Musique." *La revue internationale de Musique* 9, 220–32.
30. Handschin, Jacques. 1948. *Musikgeschichte im Überblick*. Luzern: Räber.
31. Handschin, Jacques. 1936. "Musiktage in Barcelona." *Neue Zürcher Zeitung*, no. 771.
32. Handschin, Jacques. 1957. "Über das Studium der Musikwissenschaft." In *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie*, edited by Hans Oesch, 38–50. Bern; Stuttgart: Paul Haupt.
33. Handschin, Jacques. 1957. "Was Stravinsky kann und was er nicht kann." In *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie*, edited by Hans Oesch, 246–48. Bern; Stuttgart: Paul Haupt.
34. Handschin, Jacques. "Zur Biographie Hermanns des Lahmen." In *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie*, edited by Hans Oesch, 170–74. Bern; Stuttgart: Paul Haupt.
35. Hdn. [Jacques Handschin]. 1933. "Cambriger Musiktage." *Neue Zürcher Zeitung*, nos. 1437, 1470, 1536.

36. Hn. [Jacques Handschin]. 1927. "Beethovenstage in Wien." *Neue Zürcher Zeitung*, no. 593.
37. Hn. [Jacques Handschin]. 1930. "Das Musikfest in Lüttig." *Neue Zürcher Zeitung*, nos. 1783, 1787, 1838.
38. *Internationale Gesellschaft für Musikwissenschaft, 4. Kongress. Basel, 29. Juni — 3. Juli 1949. Kongressbericht*. 1951. Basel: Bärenreiter.
39. Jeppesen, Knud. 1933. "Der Kongress." *Acta Musicologica* 5, no. 4 (October – December): 145–46.
40. Kirnbauer, Martin. 2017. "A 'Prelude' to the IMS." In *The History of the IMS (1927–2017)*, edited by Dorothea Baumann and Dinko Fabris, 11–19. Kassel: Bärenreiter.
41. Kirnbauer, Martin, and Heidy Zimmermann. 2000. "'Wissenschaft in keimfreier Umgebung'? Musikforschung in Basel 1900–1960." In *Musikwissenschaft — eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung*, edited by Anselm Gerhard, 321–46. Stuttgart: J. B. Metzler.
42. Kirnbauer, Martin, and Heidy Zimmermann. 1996. "Neutrale Wissenschaft auf neutralem Boden? Musikforschung in der Schweiz 1920–1950." *Neue Zürcher Zeitung*, no. 262 (9/10 November).
43. Kniazeva, Jeanna V. 2011. *Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte*, edited by Martin Kirnbauer and Ulrich Mosch. Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik 1. Basel: Schwabe.
44. Kniazeva, Jeanna V. 2017. "Jacques Handschin, Musicology and the IMS in the 1920s to 1940s." In *The History of the IMS (1927–2017)*, edited by Dorothea Baumann and Dinko Fabris, 25–32. Kassel: Bärenreiter.
45. Maier, Franz Michael. 2012. "Jacques Handschins Kategorie *Toncharakter* im Licht der mathematischen Kombinatorik." *Archiv für Musikwissenschaft* 69, no. 3: 251–62. <https://doi.org/10.25162/afmw-2012-0023>.
46. Bognetti, Laura, and Daniela Macchione, eds. 2012. *Musics Cultures Identities. 19th Congress of the IMS. Programme and Abstracts (Rome, July 1–7, 2012)*. Rome: Academia Nazionale di Santa Cecilia.
47. Potter, Pamela M. 2000. *Die deutscheste der Künste. Musikwissenschaft und Gesellschaft vor der Weimarer Republik bis zum Ende des Dritten Reichs*. Stuttgart: Metzler.
48. Société internationale de musicology, Première congrès, Liège, 1er au 6er septembre 1930: Compte rendu. Guildford: Billing, [1931].
49. Staehelin, Martin, ed. 1987. *Musikwissenschaft und Musikpflege an der Georg-August Universität Göttingen. Beiträge zu ihrer Geschichte*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
50. Stroux, Christoph. 1962. "Jacques Handschin. Index scriptorium." In *In Memoriam Jacques Handschin*, edited by Higinio Anglès, 2–26. Argentorati: P. H. Heitz.

Received: December 12, 2022

Accepted: March 25, 2023

Author's information:

Jeanna V. Kniazeva — Doctor of Fine Arts, Senior Researcher at the Music Department, Russian Institute for the History of Arts